

Հնագիտական և մատենագրական նյութերը ցույց են տալիս, որ Հայաստանում շնարակած խեցեղենի վաղ նմուշները ամենայն հավանականությամբ պատկանում են VIII դ.: Չվարթնոցի խեցեղենի քննությունը ցույց է տալիս, որ Չվարթնոցի ունեցել է խեցեղենի սեփական արտադրություն:

Չվարթնոցում հայտնաբերված վաղ նմուշներին հաջորդող դարձարուն և շնարակած խեցանոթների որինակները հիշեցնում են Գլինի և Անիի պեղումներից հայտնաբերված նյութերը և հավասարի կերպով թվագրվում են IX—XIII դարերով:

Դ. ԿԱՐԱՆԱՆՅԱՆ, Ա. ՔԱՇԱԽԱՐՅԱՆ

АРМЯНСКИЙ МОНАСТЫРЬ XIV ВЕКА БЛИЗ БЕЛОГОРСКА В КРЫМУ

Армянская колония в Крыму возникла, вероятно, еще в XI в. — в период нашествия в Армению турок-сельджуков, принесших стране тяжкие испытания. Однако основная масса эмигрировавших направились тогда в южные районы Малой Азии (в Киликию), где затем образовалось Киликийское княжество Рубенидов, а в Крым, по-видимому, — лишь незначительная часть армян.

Несравненно сильнее была волна армянской эмиграции в Крым во второй половине XIII, в XIV и в XV вв. Армяне, особенно городское население, массами покидали родину: в XIII в. они спасались от монголов, в XIV в. — от опустошавших страну персов, позднее — от туркменских племен, в конце XIV и начале XV в. — от громивших Армению полчищ Тимура. Обосновываясь в городах Крыма, армяне довольно скоро заняли видное положение в торгово-ремесленной и политической жизни края, особенно в городах его восточной части. В XV в. в наиболее крупном из них — Кафе (совр. Феодосия), являвшейся тогда столицей Крыма, армяне составляли уже две трети 70-тысячного населения города.

Для изучения исторических судеб армян в Крыму важно использовать памятники их материальной культуры. Они не только дают представление о монументальном и прикладном искусстве крымских армян, но и отражают самые различные стороны их жизни в Крыму, носят на себе печать острой социальной борьбы внутри армянской общины, свидетельствуют о продолжающихся связях с родиной и косвенно о взаимоотношениях с властителями восточнокрымских городов — с генуэзцами.

Наиболее выразительны в этом отношении памятники средневекового армянского зодчества, сохранившиеся в Кафе, близ Солхата (совр. Старый Крым) и в других местах восточного Крыма. Эти памятники уже являлись предметом исследования¹. Мы пришли к выводу, что первоначально армянская монументальная архитектура в Крыму довольно точно следовала родным образцам, хотя и в значительно упрощенном виде и с теми неизбежными отклонениями, которые вызваны были применением местных строительных материалов и связанной с ними местной строительной техники бутовой кладки². Таковы купольная церковь 1338 г. монастыря Сурб-хач близ Солхата или купольная же церковь 1348 г. Иоанна Крестителя в Кафе (в районе нынешнего Карантина).

С течением времени верхушка армянского общества — богатое армянское купечество, стремясь укрепить свое положение, — все более сближалось с генуэзцами, экономически и политически господствовавшими в Кафе. Внешним выражением этого сближения была уния армянской и католической церкви, заключенная на Ферраро-Флорентийском соборе 1438—1439 гг., хотя союз генуэзской и армянской буржуазии определился еще до того, не позднее начала XV в. Латинизация армянской церкви, несомненно, спо-

¹ А. Л. Якобсон. Армянская средневековая архитектура в Крыму. «Византийский временник», VIII, 1956, стр. 106—191.

² Подробнее см. там же, стр. 173 сл.

собствовала закабалению армянской общины, и не удивительно, что она вызывала ярое сопротивление массы армян Кафы³.

Этот процесс получил свое отражение и в армянском зодчестве Крыма. Богатые ктитеры армянских храмов, войдя в союз с генуэзцами, стремились и архитектурным формам этих храмов придать западноевропейский характер. Таков храм Гавриила и Михаила 1407 г. в Кафе, выстроенный в форме провинциальной западноевропейской базилики с трансептом.

К названной и опубликованной серии памятников армянской архитектуры в Крыму мы можем присоединить еще один неопубликованный памятник — небольшую церковь в монастыре Св. Спасителя (ныне его называют монастырь Ильи), расположенном близ с. Богатого (бывш. Бахчиетли) к юго-востоку от Белогорска (бывш. Карасубазара). Храм этот занимает промежуточное положение между собственно армянской и европеизирующей. И это придает памятнику своеобразие и определенный историко-архитектурный интерес.

Здание (рис. 1 и 2) представляет собой удлиненный массив (18,0×8,3—8,5 метра) под двухскатной (первоначально) кровлей. Апсидальная часть встроена в восточную часть здания и снаружи не выделена, что свойственно именно армянской архитектуре.

АРМЯНСКИЙ МОНАСТЫРЬ св. ИЛЬИ
БЛИЗ с. БОГАТОЕ
XIV в.

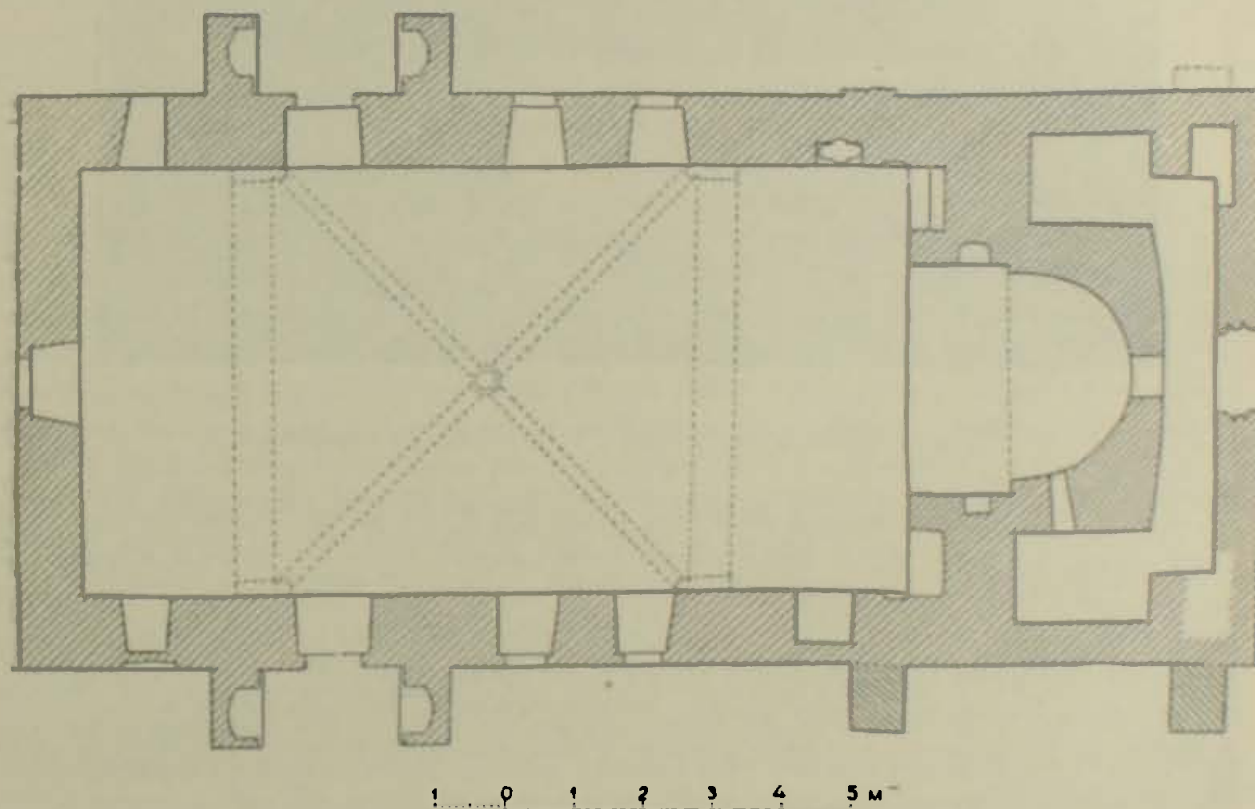

Рис. 1. План храма.

В здание ведут три входа, из которых южный и северный обрамлены выступами-пилонными, соединенными стрельчатыми арками, что придает входам характер портала. Западный вход завершен стрельчатой аркой, украшенной «сельджукской цепью», а нижние части наличника по сторонам входа украшены сложными резными розетками в круге.

³ См. об этом Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. «Исторические записки», 7, 1940, стр. 24—26.

Такого рода орнаментальная резьба, как и декорировка сталактитами (сталактитовые ниши в пилонах порталов и внутри здания—над купелью и просто ряды мелких сталактитов на висячих капителях подпружных арок и на капителях угловых пилястр по сторонам апсиды), очень характерна для так называемой крымско-сельджукской архитектуры XIV—XV вв., основные декоративные мотивы которой восходят, как показал П. А. Орбелл, преимущественно к зодчеству народов Закавказья. Здание сложено из плитняка на непрочном известковом растворе с прокладкой деревянных лежней. Углы и конструктивно ответственные части выложены из гладкотесаного штучного камня; тесаными плитами облицован и свод. Стены были оштукатурены. Такого рода строительная техника обычна в Крыму того времени; очевидно, что здание сооружали местные строительные артели.

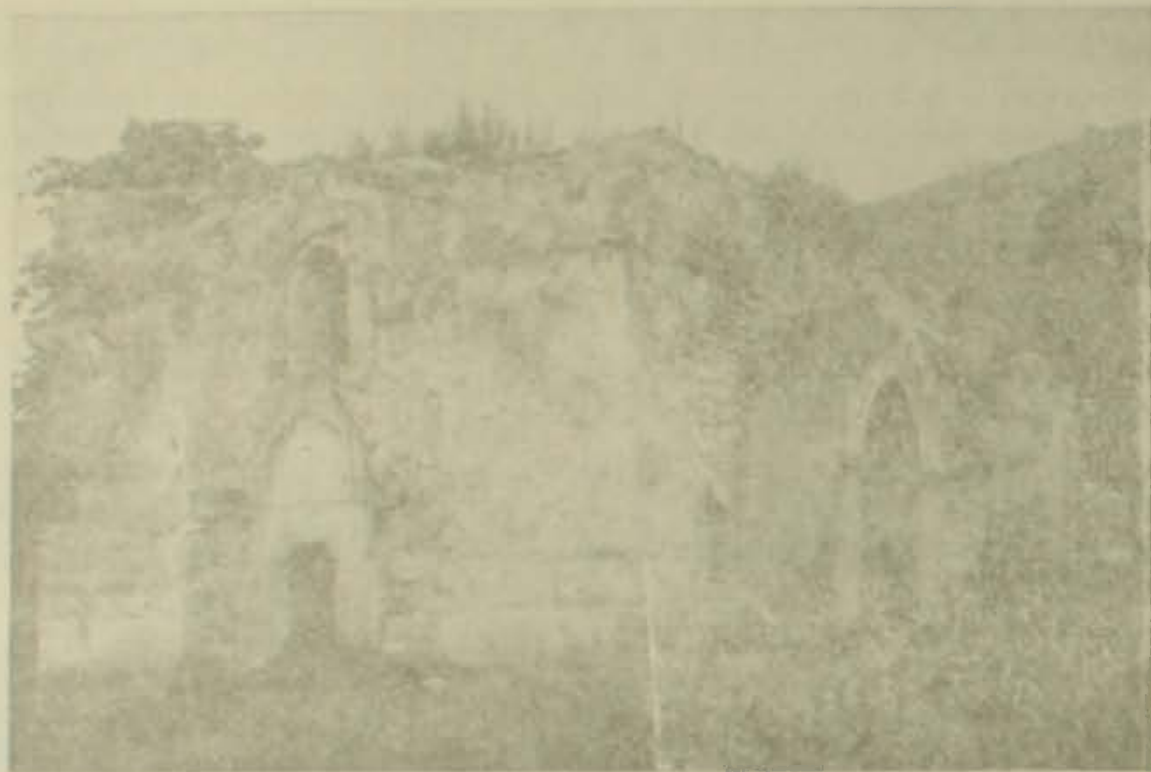

Рис. 2. Общий вид храма с юго-западной стороны.

Внутри удлиненное помещение храма (6,15—6,20×11,9 метра) композиционно членится на три неравные части, разделенные подпружными арками — южную и северную, сравнительно узкие, и среднюю, приблизительно квадратную. Северная и южные части перекрыты сводом стрельчатого контура, а средняя — крестовым сводом, грани которого выделены широкими гуртами. Такое членение внутреннего объема, несомненно, призвано выделить центральную часть храма, соответствующую подкупольному пространству в храмах с куполом, от которого зодчему монастыря пришлось в силу тех или иных причин отказаться.

Очень своеобразна планировка восточной части здания. Полукруглая апсида с вимой, примыкающая, как обычно, к храму, имеет снаружи почти прямые (лишь немного искривленные) очертания, но не выступает на фасад, так как перед ней сооружен узкий проход (шир. 0,75—0,95 метра), двухскатно перекрытый плитами и ведущий в прямоугольные помещения: жертвенник — с одной стороны, и дьяконик — с другой, расположенные по сторонам апсиды. Таким образом, в эти помещения попадали не из самого храма, как общепринято, а с восточной его стороны. Но как был оформлен этот вход — теперь выяснить невозможно, так как на месте возможного прохода ныне зияет пролом.

К восточной стене здания в его северной части примыкала какая-то пристройка, от которой сохранились лишь следы притыка стен.

Важной особенностью храма являются довольно многочисленные рельефы на евангельские сюжеты, размещенные на восточной стене здания, внутри его: в нишах по сто-

ронам апсиды и выше — над нишами, а также часть фризa на северной стене над купелью (рис. 3).

Рис. 3. Восточная часть храма внутри.

К сожалению, рельефы покрыты многослойной побелкой, и до расчистки не все они могут быть определены. С северной стороны в нижней нише (рис. 4) представлено Воскресение, в верхней — изображение неясно. Слева от этого рельефа и немного выше помещен рельеф святителя под аркой с тремя главами — куполами. С южной стороны размещение рельефов вполне симметрично: нижняя ниша занята изображением Распятия (рис. 5), верхняя ниша — изображением богородицы с младенцем, обрамленное аркой, справа и немного выше — изображение святителя под киворием, завершенным главой.

На северной стене помещена как бы часть фризa, вырезанного на одном длинном камне. Рельеф состоит из трех кругов. Между ними помещены херувимы. Изображения внутри кругов сохранились очень плохо и пока не определены.

Настоящее сообщение посвящено архитектуре храма, и поэтому на рельефах я останавливаться не буду, но должен отметить, что использование такого рода рельефов в храмах в качестве изобразительного элемента, замещающего в определенной степени роспись, не свойственно ни византийской архитектуре, ни романской, зато постоянно наблюдается именно в армянской монументальной архитектуре XIII—XIV вв. Можно привести примеры изображения евхаристии в соборе монастыря 1217 г. Оганаванк близ Аштарака или рельефы с изображением ап. Петра и Павла по сторонам входа в церковь в монастыре Сурб Степанос близ Гегарда, многочисленные ктиторские группы того же времени; известны и целые композиции, состоящие из нескольких рельефных фигур, размещенных на различных, хотя и смежных архитектурных плоскостях; они смотрятся последовательно и в целом составляют единую композицию. Такова ктиторская группа на фасаде усыпальницы парона Буртела в Нораванке 1339 г.⁴ и довольно сложная композиция, состоящая из богородицы с младенцем и коленопреклоненных святых, размещенная на гранях барабана собора в Гандзасаре (1216—1238 гг.).

Мы вправе отнести рельефы крымского монастыря Св. Спасителя, довольно обобщенные по рисунку, насколько можно судить о них до расчистки, и прежде всего са-

⁴ Подробнее см.: А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 183—184.

мый принцип их размещения к числу собственно армянских элементов в здании, хотя сами рельефы носят некоторые западноевропейские черты. Собственно армянской является и композиция апсидальной части храма.

На фоне этих элементов еще рельефнее выступают черты, которые чужды не только армянскому зодчеству, но в равной мере и местному греческому, византийскому в широком смысле слова, не говоря уж о татарском. Имею в виду композицию центральной части храма, перекрытой крестовым сводом с широкими гуртами. Эта особенность здания очень напоминает западноевропейскую романскую архитектуру.

Замена купола крестовым сводом не может быть объяснена только стремлением удешевить постройку. Постановка купола на барабане между широкими арками-сводами придала бы композиции храма центричность, свойственную культовому зодчеству греко-византийского и восточнохристианского мира, в том числе и зодчеству Закавказья. Наоборот, в основе западноевропейской средневековой архитектурной системы лежит, как известно, базилика с ее протяженностью. Замена купола крестовым сводом во всю ширину здания хотя и отмечает его центральную часть, но вместе с тем не нарушает продолжность всего архитектурного объема, иначе говоря — не нарушает его базиличность.

Так в этом маленьком и очень простом и провинциальном храме своеобразно сплелись элементы армянской и западноевропейской архитектуры.

Западноевропейский характер носят и некоторые рельефы: особенно это видно на рельефе в нижней северной нише с изображением Воскресения: Христос, восставший из гроба, представлен обнаженным и как бы парящим. Такого рода изображения имеют западное происхождение и характерны для западноевропейского искусства XIV в. и последующего времени⁵.

Рис. 4. Рельеф в северной нише восточной стены.

Рис. 5. Рельеф в южной нише восточной стены.

Нельзя не отметить и еще одну, хотя и мелкую, но существенную деталь: в вершине крестового свода (рис. 5), на перекрестке гурт помещен круг (медальон) с изображением агнца с лабарумом (знамя с крестом на длинном древке): такой же медальон — в конце апсиды. Известно, что образ агнца, как символ Христа, был в X в. на Труаль-

⁵ Н. В. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. Труды VIII археол. съезда. I, 1892, стр. 408 и 425.

ском соборе запрещен и отвергнут восточнохристианской церковью, но был удержан латинским Западом⁶. Подобные агнцы с лабарумами встречаются и на генуэзских строительных надписях Кафы⁷, однажды — на армянской надписи из Кафы же⁸, принадлежащей, вероятно, армянину-католику.

Однако ктитеры армянского монастыря близ Белогорска еще не утратили, как видно, пиетета к своей родной культуре, но вместе с тем, сближаясь с правящей генуэзской верхушкой и становясь в ряды так называемых *cives januenses*, т. е. полноправных генуэзцев, они неминуемо меняли не только политическую, но и идейную, а тем самым и культурную ориентацию, приобщаясь к тем западноевропейским художественным формам, правда, в весьма провинциальной их передаче, которые насаждали в своих крымских городах генуэзцы.

В кафинской армянской церкви Миканла и Гавриила 1407 г. это привело к полной утрате каких-либо признаков собственно армянской архитектуры. В этом отношении в рассматриваемом нами памятнике ощущается как бы компромисс: армянские формы еще не были изгнаны и не были поглощены западноевропейскими, которые только начали заявлять о себе. Это был чуждый и наносный элемент, сколь неожиданно появившийся, столь же быстро исчезнувший — вместе с изгнанными из Крыма генуэзцами.

Западноевропейские черты в армянском позднесредневековом зодчестве Крыма — одно из отражений острой политической и социальной борьбы, которая разгорелась в тогдашней Кафе накануне турецкого завоевания.

А. ЯКОБСОН
(Ленинград)

К ИСТОРИИ ВИЗАНТИНО-АРМЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XII ВЕКЕ

В 1958—1960 гг. Р. М. Бартикян вновь привлек внимание к истории византино-армянских отношений XII в., остановившись на анализе послания византийского императора Исаака II Ангела армянскому католикосу Григорию IV Отроку¹. Попутно Бартикян отметил, что переписка между Константинополем и Киликийской Арменией имела место и в более раннее время, при императоре Мануиле I. Действительно, в «Регестах» В. Грюмеля указаны два послания константинопольского патриарха Миканла III, племянника епископа Анхнальского, армянским католикосам Нерсесу и Григорию IV; первое датируется 1171-м, второе — 1177 г.²

Упоминание об этой переписке мы находим также в неопубликованном Втором слове Евстафия Солунского к патриарху Миканлу, которое содержится в известном Эскурнальском сборнике византийских риторов XII в. (Esc. V. II. 10), где на л. 171 об. читаем:

¹ См.: Cabrol, Dictionnaire d'archéologie chrétienne, I, 1, 1903, стр. 836.

² См. ЗООИД, VII, 1878, стр. 276, № 11; E. Sczzyńska, Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. Atti della Società Ligure di storia patria, LVI, 1928, стр. 47.

³ Л. М. Меликсет-Бекон, Старинные армянские надписи в музее Одесского общества истории и древностей. Тифлис, 1912, стр. 17.

⁴ Հ. Բարթիկյան, Նոր նյութեր Կիլիկիայի հայկազան պատմության և ընդհանրապես փոխադրված թվականների մասին: Վանքեր Մատենադարանի, 1956, № 4, էջ 283—295; его же: К истории взаимоотношений между Византией и Киликийским армянским государством в конце XII в. «Византийский временник», XVII, 1960, стр. 52—56.

⁵ V. Grumel, Les Regestes des actes du patriarchat de Constantinople, fasc. III, 1947, № 1923—1124, 1132.